

24. Karabut T. Rasshiritsya perechen' tovarov s markirovkoj // Rossijskaya gazeta. 2022. 1 marta [The List of Labeled Products Will Expand // Rossijskaya Gazeta. 2022. March 1].
25. Karabut T., Krupenik O. Zakonchatsya eksperimenty po markirovke ryada tovarov // Rossijskaya gazeta. 2023. 1 fevr. [Labeling Experiments for a Number of Products to End // Rossijskaya Gazeta. 2023. Feb. 1]
26. Karabut T. Nachinaetsya eksperiment po markirovke kolbas // Rossijskaya gazeta. 2025. 1 avg. [Sausage Labeling Experiment Begins // Rossijskaya Gazeta. 2025. Aug. 1]
27. Svinova E. Vernoe znachenie. Markirovka tovarov za 5 let sekonomila byudzhetu 800 milliardov rublej // Rossijskaya gazeta. 2024. 13 maya [The Right Value. Labeling of Products Saved the Budget 800 Billion Rubles in 5 Years // Rossijskaya Gazeta. 2024. May 13].
28. Kuzmin V. Markirovka s garantiej. Mihail Mishustin otmetil rol' Raspotrebnadzora v zashchite potrebitelej // Rossijskaya gazeta. 2025. 16 okt. [Labeling with a Guarantee. Mikhail Mishustin Noted the Role of Rospotrebnadzor in Consumer Protection. // Rossijskaya Gazeta. 2025. October 16]
29. Karabut T., Kulikov V. Tovarnye znaki. Za prodazhu prosrochki vvedu «avtostrafy» // Rossijskaya gazeta. 2025. 16 okt. [Trademarks. I Will Introduce «Traffic Fines» for Selling Expired Products. // Rossijskaya Gazeta. 2025. October 16]
30. Gajva E. SHip rasskazhet. U markirovki i sertifikacii mozhet poyavit'sya konkurent // Rossijskaya gazeta. 2019. 26 fevr. [Chip Will Tell. Labeling and Certification May Have a Competitor. // Rossijskaya Gazeta. 2019. February 26]
31. Manukiyani E. Budet novyj «chernyj» spisok. V Rossii poyavitsya reestr kompanij s nelegal'noj zanyatost'yu // Rossijskaya gazeta. 2024. 19 avg. [There Will Be a New Blacklist. A Register of Companies with Illegal Employment Will Be Established in Russia. // Rossijskaya Gazeta. 2024. August 19]

Владимир Михайлович Сырых

Главный научный сотрудник Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
E-mail: 2707xyz@mail.ru

Владислав Юрьевич Панченко

Заведующий кафедрой теории, истории государства и права ВГУЮ (РПА Минюста России); профессор Российской государственной академии интеллектуальной собственности; профессор Кузбасского института ФСИН России; главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России; главный научный сотрудник Сибирского федерального университета, доктор юридических наук
E-mail: panchenkovlad@mail.ru

13

Индивидуальное право и содержание государства в конституционно-правовом измерении

Аннотация. Актуальность проблемы заключается в неспособности позитивистского формально-догматического подхода в теории государства и права и науке конституционного права адекватно описать, объяснить и спрогнозировать реальные процессы принятия и осуществления политических решений на высшем уровне власти, где конституционные тексты часто выступают формой, скрывающей подлинные движущие силы. Предмет исследования составляют конкретизация понятия индивидуального права во взаимосвязи с категорией содержания государства в конституционно-правовом измерении и роль

конституционного индивидуального права политической элиты как реального регулятора общественных отношений. Методологию составили восхождение от абстрактного к конкретному, системный и структурно-функциональный анализ, а также теоретические положения материалистической теории права об индивидуальном праве и правосознании. Научная новизна заключается в обосновании вывода о том, что подлинным регулятором конституционно-правовых процессов на высшем уровне политической власти являются не тексты конституций, а взаимодействие конституционного индивидуального права членов политической элиты – внутренних систем предписаний, сформированных специфическим «элитарным» правосознанием; введение и разграничение двух идеальных типов конституционного индивидуального права: монопольного (монархического) и конкурентного (поликратического), детерминирующих соответствующие режимы функционирования содержания государства и реализацию учредительной функции конституций.

Ключевые слова: индивидуальное право, содержание государства, политическая элита, правосознание, конституционное право, конституционализм, монархия, поликратия.

Vladimir Mikhailovich Syrykh

Chief Researcher of V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Doctor of Legal sciences, Professor, Honored Scientist of the RF

Vladislav Yuryevich Panchenko

Head of Theory and History of State and Law department, the All-Russian State University of Justice (RLA (Russian Law Academy) of the Ministry of Justice of Russia); Professor of the Russian State Academy of Intellectual Property; Professor, Kuzbass Institute, Federal Penitentiary Service of Russia; Chief Researcher of Research Institute, Federal Penitentiary Service of Russia; Chief Researcher of Siberian Federal University, Doctor of Legal sciences

Individual Law and the Contents of the State in the Constitutional-Legal Dimension

Annotation. *The relevance of the problem lies in the inability of the positivistic formal-dogmatic approach in the theory of state and law and the science of constitutional law to adequately describe, explain and predict the real processes of making and implementing political decisions at the highest level of power, where constitutional texts often act as a form concealing the true driving forces. The subject of the study is the concretization of the concept of individual law in conjunction with the category of the content of the state in the constitutional and legal dimension and the role of the constitutional individual law of the political elite as a real regulator of social relations. The methodology consists of an ascent from the abstract to the concrete, a systemic and structural-functional analysis, as well as theoretical provisions of the materialist theory of law on individual law and legal consciousness. Scientific novelty lies in the substantiation of the conclusion that the true regulator of constitutional and legal processes at the highest level of political power is not the texts of constitutions, but the interaction of the constitutional individual law of the members of the political elite - internal systems of prescriptions formed by a specific «elite» legal consciousness; The introduction and distinction of two ideal types of constitutional individual law: monopolistic (monocratic) and competitive (polycratic), which determine the corresponding modes of functioning of the state's content and the implementation of the constituent function of constitutions.*

Keywords: *individual law, state content, political elite, legal consciousness, constitutional law, constitutionalism, monarchy, polycracy.*

Как в теории государства и права, так и в науке конституционного права сохраняется неспособность позитивистского, формально-догматического подхода к праву и правовому регулированию описать, объяснить и спрогнозировать реальные процессы принятия и осуществления политических решений на высшем уровне политической власти. Конституционные тексты часто имеют характер форм, за которыми скрываются неочевидные движущие силы. Преодолению такой познавательной неопределенности может способствовать обоснованная в материалистической теории права категория индивидуального права [1–6], взятая в совокупности с категорией содержания государства, отражающей динамичное взаимодействие политических элит групп (группировок) наиболее влиятельных лиц, за осуществление своих интересов (а также интерпретируемых в соответствии с ними интересов управляемого ими общества в целом) при помощи государственного аппарата и юридических норм [7; 8] в конституционно правовом измерении, т. е. в аспекте общественных отношений, регламентированных нормами конституционного права. Гипотеза исследования состоит в том, что подлинным регулятором конституционно-правовых процессов на высшем уровне политической власти являются не тексты конституций, а взаимодействие конституционного индивидуального права членов политической элиты.

Индивидуальное право есть продукт индивидуального правосознания, система предписаний, воспринимаемых индивидом в качестве меры своей свободы, которой он готов следовать в своей деятельности. Оно формируется каждым человеком на основе знаний, опыта, установок и интересов и может как совпадать с позитивным правом, так и отличаться от него. Индивиды проводят значительную работу по систематизации доступной правовой информации с целью определения, выделения системы действующих норм права, которые, по их мнению, верно определяют меру свободы их поведения и обеспечивают ее воплощение в конкретных отношениях. Источниками индивидуального права выступают знания норм права из законов, иных формальных источников права; личный опыт в качестве участника конкретных правоотношений, событий, мероприятий, выступающий главным «верификатором» формальных норм; усвоенные политические и социальные доктрины; правовые установки как глубинные предрасположенности, мотивированные ориентации личности на определенный тип поведения (правомерный или противоправный); эмоции как устойчивые правовые чувства, среди которых могут превалировать позитивные (уважение к закону) либо негативные (неудовлетворенность принятым законом, неуважение к тем или иным нормам права, негодование). Индивидуальное право, как и правосознание не получает отражения в письменных источниках, оно остается известным и доступным лишь их непосредственному творцу, конкретному человеку. Именно эта скрытая внутренняя природа индивидуального права делает эту форму проявления права ускользающей от исследования в рамках позитивистской доктрины.

Индивидуальное правосознание и индивидуальное право как его продукт у людей, входящих в политической элиты различных государств, могут формироваться либо под влиянием уникальных факторов, отличающих этот процесс от аналогичного у обычных граждан (в случаях наследственной принадлежности к политической элите, индивидуального или семейного воспитания и обучения, образования в «закрытых» учреждениях и т. д.), либо такие обстоятельства включаются в опыт властвующих индивидов на определенном этапе жизни. В отличие от бытового опыта большинства людей, для представителей политической элиты — это опыт принятия решений, распределения бюджетов, проведения кадровых назначений, участия в закрытых заседаниях различных совещательных органов, в неформальных договоренностях и т. п. И он формирует убеждение, что реальные механизмы власти в ряде случаев могут работать несколько иначе, чем это декларируется, закрепляется в формальных источниках права. Сколько бы не «трубила» в свое время советская пропаганда о гуманном и справедливом праве, советский народ ей не очень верил, его непосредственная реальная жизнь преподносила сюрпризы прямо противоположного свойства. При этом в правосознании представителей правящей элиты могут присутствовать как установки на исполнение и соблюдение правовых норм, так и на их обход. В силу объективных условий — места в социальной иерархии и связанного с ним участия во властных социальных взаимодействиях — у представителей политической элиты может формироваться инструментальное отношение к праву, включающее в себя,

в отличие от таких же инструментальных взглядов большинства граждан, рассмотрение права не только как средства удовлетворения своих интересов, гарантированного государством, но и как инструмента управления и легитимации, который можно изменять, дополнять, вводить исключения. Властвующие индивиды проводят поиск норм права, позволяющих удовлетворять потребности — достигать политических целей (удержание власти, нейтрализация соперника, перераспределение ресурсов и т. д.) с наименьшими затратами (политическими рисками и издержками легитимации), а также вариантов изменения общеобязательных правил, их казуистической интерпретации, различных процедурных «лазеек», позволяющих добиться желаемого.

В политической элите, рассматриваемой как социальная группа, действуют и неформальные социальные нормы, принятые в личных взаимоотношениях, сложившихся семейных и клановых связях, правила внутрикорпоративной солидарности и иные неписанные правила о допустимом и недопустимом в политических взаимодействиях. Такие нормы нередко бывают сильнее формальных правовых правил. В конкуренции предписаний позитивного права и таких неписанных правил социального взаимодействия на высшем уровне социальной иерархии предпочтение может отдаваться той норме, которая позволяет наиболее результативно удовлетворить потребность в соответствующем благе. Члены правящей элиты существуют в двух плоскостях — публично они апеллируют к конституции, закону, правам человека и т. д., внутри же своего круга они могут руководствоваться как этими правовыми стандартами, так и иными критериями — эффективностью, целесообразностью, групповой выгодой, что ситуативно активизирует разные «слои» правосознания.

На основе правосознания формируется индивидуальное право члена политической элиты, имеющее сложную структуру и включающее фундаментальные установки, определяющие «правила жизни» во власти, которые могут варьироваться от установки на правомерное поведение (поскольку и здесь требуется взаимодействие по понятным и предсказуемым правилам) до установок на чистый прагматизм, комплексы поведенческих императивов разрешительного и запретительного характера применительно к ключевым сферам: политической власти и ее удержанию — какие методы допустимы в борьбе с политическими конкурентами, допустимо ли использование административного ресурса, компромата, силового давления, как относиться к процедурам выборов — как к ритуалу или реальному состязанию и т. п.; ресурсам — как распределять государственные средства, имущество, какая часть может быть направлена на общественные нужды, а какая — на поддержку своей группы, «дружественного» бизнеса или личное обогащение, где граница между лоббизмом и коррупцией и пр.; правоприменению и правосудию, механизмам легитимации политической власти и т. д. Индивидуальное право членов политической элиты может как основываться на позитивном, так и значительно отличаться от него.

Поскольку содержание государства отражает реальное функционирование политической системы, действительные механизмы принятия политических решений, чтобы понять последние, необходимо изучать не только и не столько предписания позитивного права, но исследовать вопросы о том, кто реально принимает ключевые решения. Часто это не тот, кто назван в законе. Г. Моска верно отмечал: «Достаточно только открыть глаза, чтобы это увидеть, — ... в каждом политическом организме есть один индивид, который является основным среди правящего класса как целого и находится, как мы говорим, у кормила власти. Это не всегда человек, обладающий законной верховной властью. В одних случаях рядом с наследным королем или императором премьер-министр или мажордом обладают реальной властью, гораздо большей, чем власть суверена, в других случаях вместо избранного президента правит влиятельный политик, который обеспечил выборы президента. В особых условиях вместо одного могут быть два или три человека, выполняющие функции верховных контролеров» [9, с. 219–220]. История изобилует примерами, подтверждающими этот тезис: кардинал Ришелье при короле Людовике XIII был фактическим правителем Франции, определявшим как внутреннюю, так и внешнюю политику; Г. Распутин в последние годы царствования Николая II обладал огромным неформальным влиянием на принятие кадровых и политических решений, хотя не занимал никаких официальных постов и т. д. Необходимо исследовать, на основе каких реальных правил принимаются эти решения, т. е. нормы, которые в совокупности можно рассматривать как коллективное, групповое «индивидуальное» право правящей элиты.

Содержание государства, понимаемое как процесс взаимодействия политических элит, — сфера действия индивидуального права политических элит, процесс воплощения индивидуальных представлений политической элиты в публично-властные акты (в позитивное и конкретное право). Когда, например, парламентское большинство в угоду исполнительной власти достаточно быстро, без особых обсуждений изменяет закон, депутаты, по сути, реализуют свое индивидуальное право, реальные руководства к действию на основе представлений о том, что лояльность и сохранение статуса важнее принципа реального разделения властей.

Процесс трансформации внутренних установок правящей элиты в общеобязательные предписания позитивного права и персонализированные публично-властные решения (конкретное право) есть процесс перехода содержания государства в реальную деятельность государственного аппарата, который проходит ряд этапов (стадий): формирование группового интереса (консенсуса) внутри правящей группы, когда на основе схожего индивидуального права (установок, оценок, опыта) возникает общее понимание проблемы и желаемого решения (например, «пора перераспределить активы в энергетическом секторе», «нужно усилить контроль над чем-либо» и т. п.); поиск правовых форм придания общеобязательного значения (закона, указа, акта толкования, судебной практики), где «включается» инструментальное правосознание для установления юридически безупречной или труднооспоримой правовой формы для достижения цели, привлекаются юристы, пишутся экспертные заключения, подбираются прецеденты и т. д.; реализация политического решения, в том числе путем воздействия на государственный аппарат с использованием как правовых рычагов выполнения функций государства в пределах компетенции органов и должностных лиц, так и неформальных средств, включая административное и кадровое давление, чтобы необходимое решение прошло необходимые инстанции и звенья государственного аппарата; внешняя легитимация — принятое политическое решение обосновывается для населения, включается в рамки более широких идеологических конструкций, понимаемых и разделяемых большинством населения (обеспечение безопасности, стабильности, улучшение инвестиционного климата и т. п.).

Теоретический анализ взаимоотношений индивидуального права, правосознания и содержания государства показывает, что государство в его реальном функционировании может быть отчужденным от общества, но точно не отчуждено от составляющих его властвующих индивидов (представителей политической элиты, правящего класса), а по своему содержанию является процессом, продуктом и «ареной» реализации их воли, их индивидуального права. Правосознание политической элиты в процессе реальных практик образует специфическую правовую субкультуру политической элиты, где право — не только система запретов, дозволений и обязываний, но и средство управления. Поскольку речь идет о сфере общественных отношений, составляющей предмет регулирования конституционного (государственного) права, правомерно использовать применительно к системам предписаний, воспринимаемых индивидами, входящими в политическую элиту (правящий класс), в качестве меры своей свободы, которым они готовы следовать в своей деятельности, в том числе в условиях отсутствия какого-либо реального или потенциального принуждения, термин «конституционное индивидуальное право», в собирательном смысле обозначающий совокупность преобладающих представлений, а для внешних проявлений их реализации — конституционно-правовую культуру (субкультуру) политической элиты. В процессе эволюции государств формируются два типа конституционного индивидуального права, представляющие собой идеальные модели, соответствующие двум фундаментальным режимам функционирования содержания государства.

Первый тип — монопольное (или, в терминологии В. Е. Чиркина, монархическое [10, с. 115–116]) конституционное индивидуальное право, которое возникает в условиях, когда одна правящая группа подавляет внутреннюю конкуренцию и устанавливает контроль над всеми значимыми ресурсами. Конституционное правосознание в такой среде характеризуется инструментальным редукционизмом — любая конституционная норма, принцип или процедура оцениваются с точки зрения их функциональности для удержания власти. Поэтому конституции рассматриваются, в первую очередь, не как рамки, ограничивающие политическую власть, а как арсенал средств, инструментов для ее укрепления. Одни конституционные нормы активно применяются

(например, о государственной безопасности), в том числе для подавления инакомыслия, другие (например, о неприкосновенности собственности или независимости суда) — игнорируются или систематически обходятся. Личный правовой опыт политической элиты в такой системе может иметь характер безнаказанности и управляемости формальных процедур, что лишь укрепляет установку на дозволенность всего во имя высших интересов государства, нередко понимаемых специфически, а государство отождествляется с самой правящей группой. Сдерживающие же факторы выходят за пределы правового регулирования, смещаясь в область неформальных правил, где последствия тех или иных действий определяются согласованием воли индивидов, находящихся на том же или более высоком уровне политической иерархии.

Содержание государства в этой модели отражает конституционное индивидуальное право правящей группы, государственный аппарат выступает как инструмент политической элиты, реализующий политические решения, которые реально принимались не в результате публичных дебатов или соблюдения процедур, а в рамках закрытых, неформальных соглашений, отражающих сложившиеся в определенный момент времени иерархию и баланс интересов внутри правящей группы, демократические процессы имитируются, а политические институты выполняют практически единственную функцию — обеспечивать необходимую для внешнего мира и для населения внутри страны легитимность.

Второй тип — конкурентное (или поликратическое [10, с. 115–116]) конституционное индивидуальное право, которое формируется в среде, где ни одна группа внутри политической элиты не обладает неоспоримым превосходством, а властные, экономические, медийные и иные ресурсы рассредоточены между несколькими «центрами силы» — индивидами или их группами и производными от них партиями, финансовыми институтами, медиахолдингами, профсоюзами и т. д. Правосознание политической элиты в условиях конкуренции, взаимного сдерживания характеризуется реальным конституционализмом. Поскольку ни одна властвующая группа не может быть уверена в своем «вечном» доминировании, ее долгосрочный интерес заключается не в отсутствии или постоянном изменении правил, а в их стабильном и предсказуемом соблюдении. Конституционное индивидуальное право члена политической элиты включает в себя не только стремление добиваться максимального влияния, но и императивы о признании обоснованности аналогичных притязаний политических соперников и о подчинении относительно нейтральным процедурам разрешения споров. Конституции и конституционализм в этой модели становятся стратегическим ресурсом, выполняющим роль своего рода «убежищ», гарантий на случай потери политической власти, того, что проигравший сегодня не будет физически уничтожен или полностью лишен благ завтра. Поскольку, как уже отмечалось, при выборе в качестве руководства к действию требований позитивного права либо иных социальных норм, побеждают правила, наиболее результативно удовлетворяющие потребности в соответствующем благе, а в условиях внутриэлитной политической конкуренции высшим благом для всех ее участников становится предсказуемость и стабильность «правил игры», в конституционном индивидуальном праве рассматриваемого типа соблюдение требований позитивного права оказывается предпочтительнее силового, коррупционного или иного произвольного решения. Содержание государства в такой модели приобретает характер непрерывного институционализированного взаимодействия, имеющего процессуальный и публичный характер. Политические решения, оформляемые затем в общеобязательные нормы позитивного права, становятся результатом компромисса через сложные процедуры (парламентские чтения, публичные слушания и пр.), а государственный аппарат, особенно его органы, выполняющие функции арбитров (суды, включая конституционные, избирательные комиссии, счетные палаты и т. д.), обретает относительную автономию, поскольку все конкурирующие группы заинтересованы в его беспристрастности как условии предсказуемости. Политический процесс здесь сопряжен с осознанием рисков смены власти и последствий ее утраты, а институты наполняются реальным, а не декоративным содержанием.

Именно в этом ключе следует рассматривать формальную и реальную стороны учредительной функции конституции. Формально конституции — первичные учредительные акты, однако их реальный регулятивный потенциал зависит от преобладающего в политической элите типа конституционного индивидуального права,

которое, будучи продуктом правосознания, реально определяет пределы допустимого поведения в общественных отношениях, регламентированных конституционным правом, и способствует либо препятствует воплощению в жизнь предписаний позитивного конституционного права. В монополярной (монократической) модели права конституции либо выступают в качестве фасадов, за которыми происходят реальные процессы, составляющие содержание государства, либо изменяются или игнорируются в пользу правящих групп. В конкурентной (поликратической) модели конституции становятся материализованными воплощениями консенсусов политических элит, подлинными учредительными договорами, поскольку их нормы одновременно как эксплицированы из индивидуального конституционного права представителей политической элиты, так и имплицированы в него в виде руководств к действию, систем правил, обладающих реальным регулятивным потенциалом. Здесь реальная и формальная стороны учредительной функции конституций имеют тенденцию к совпадению, а их тексты более или менее адекватно описывают реальное содержание государства.

Ознакомление исключительно с текстами конституций многих современных государств без знания реальной жизни в них иногда вызывает желание незамедлительно переехать в эти прекрасные страны, однако научное исследование конституционализма в конкретном государстве должно вести к установлению типа конституционного индивидуального права, доминирующего в его политической элите, исходя из реальных действий последней, поддающихся наблюдению, и иных источников фактической информации в целях ответа на вопросы о том, воспринимают ли властвующие индивиды конституции как обязательные ограничения или как «гибкие» инструменты, как подлежащие изменениям, так и допускающие отклонения от текста и смысла на практике, рассматриваются ли относительно независимые политические институты в качестве угроз политическому властвованию или в качестве гарантий, видится ли конкуренция внутри политической элиты как опасность или как норма. Этим определяется, являются ли конституции формально регламентирующими или реальными регуляторами общественных отношений на высшем уровне политической власти, поскольку индивидуальное право вообще и конституционное индивидуальное право представителей политической элиты, в частности, обладая собственной сущностью и непосредственным содержанием, действует наряду с позитивным правом (позитивными нормами конституций), но детерминирует действительное содержание государства.

В свете сказанного получают дополнительное обоснование выводы о недопустимости механического переноса понятий «регулятор» и «регулирование» из технических дисциплин в юриспруденцию [11]. Технические регуляторы (термостат, автопилот и пр.) действуют в среде объектов, подчиняющихся неизменным законам. Общественные отношения, напротив, представляют собой взаимодействие активных, целеполагающих и волевых субъектов, чье поведение определяется не только внешними командами, но и внутренними системами предписаний — их индивидуальным правом. Нормы права, включая нормы конституции как тексты, знаковые системы, не могут «регулировать» в техническом смысле, ибо они не обладают собственными, без участия других людей, органов государства, включая правоохранительные, силами и сами неспособны преодолеть сопротивление воли индивидов при наличии такового. Аналогом норм права вообще и конституционных норм, в частности, в технике являются не регуляторы, а проектно-конструкторские документации — чертежи, схемы, алгоритмы, описывающие идеальные модели желаемых состояний или процессов. Как чертеж моста не может сам по себе обеспечить его строительство, требуя работы инженеров и строителей, так и правовая норма не может сама осуществить перевод общих предписаний на уровень субъективных юридических прав и субъективных юридических обязанностей. И это не просто терминологическая неточность, а, к сожалению, господствующий в российской и мировой позитивистской юриспруденции метафизический подход, наивно отождествляющий правовые нормы с регуляторами общественных отношений, игнорирующий ключевое звено — человеческое сознание и волю, которые являются единственным реальным связующим между абстрактным текстом и конкретным деянием. Как показано выше, реализация регулятивного потенциала конституций зависит от того, какое содержание будет вложено в ее принципы и нормы на стадии принятия политических решений субъектами, обладающими политической властью, и собственным

конституционным индивидуальным правом, что подтверждает теоретическое положение материалистической теории права о том, что реальными регуляторами выступают сами индивиды, а в сфере, включенной в регламентацию конституционно-правовыми нормами, властвующие индивиды — представители политической элиты, с их правосознанием, продуктом которого выступает их конституционное индивидуальное право.

Пристатейный библиографический список

1. Сырых В. М. Понятие и структура индивидуального права // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 4. С. 39–56.
2. Сырых В. М. Материалистическая теория права. Т. 4 : Действительность индивидуального права. М. : Российская академия правосудия, 2014.
3. Сырых В. М. Понятие и состав индивидуального права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2. С. 133–152.
4. Сырых В. М. Основы материалистической теории права : в 4 т. Т. 1 : Объективное право и формы его выражения. М. : Юрлитинформ, 2022.
5. Панченко В. Ю. Индивидуальное право в политико-правовой реальности // Правовая культура. 2023. № 2. С. 97–99.
6. Панченко В. Ю. Полиморфия права и структура правовой жизни // Правовая культура. 2023. № 4. С. 5–14.
7. Малько А. В., Панченко В. Ю. Содержание государства // Сибирский антропологический журнал. 2019. Т. 3, № 3. С. 112–118.
8. Малько А. В., Панченко В. Ю. Содержание государства: дискуссионные вопросы // Юридическая наука. 2024. № 1. С. 42–46.
9. Моска Г. Правящий класс // Социология власти. 2012. № 1. С. 219–232.
10. Чиркин В. Е. Государствоведение : учебник. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрист, 2000.
11. Сырых В. М. О регуляторах в правовом регулировании // IP: теория и практика. 2025. № 4. С. 48–68.

References

1. Syryh V. M. Ponyatie i struktura individual'nogo prava // Leningradskij juridicheskiy zhurnal [The Concept and Structure of Individual Law // Leningrad Law Journal]. 2007. No. 4. Pp. 39–56.
2. Syryh V. M. Materialisticheskaya teoriya prava. T. 4 : Dejstvitelnost individualnogo prava [Materialistic Theory of Law. Vol. 4: The Validity of Individual Law]. M. : Rossijskaya akademiya pravosudiya [Publishing house of the Russian Academy of Justice], 2014.
3. Syryh V. M. Ponyatie i sostav individual'nogo prava // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii [The Concept and Composition of Individual Law // Journal of Saratov State Law Academy]. 2016. No. 2. Pp. 133–152.
4. Syryh V. M. Osnovy materialisticheskoy teorii prava : v 4 t. T. 1 : Obektivnoe pravo i formy ego vyrazheniya [Fundamentals of the Materialistic Theory of Law: in 4 volumes. Vol. 1: Objective Law and Forms of Its Expression]. M. : YUritinform [Publishing house], 2022.
5. Panchenko V. YU. Individual'noe pravo v politiko-pravovoj real'nosti // Pravovaya kultura [Individual Law in Political and Legal Reality // Legal Culture]. 2023. No. 2. Pp. 97–99.
6. Panchenko V. YU. Polimorfiya prava i struktura pravovoj zhizni // Pravovaya kultura [Polymorphism of Law and the Structure of Legal Life // Legal Culture]. 2023. No. 4. Pp. 5–14.
7. Malko A. V., Panchenko V. YU. Soderzhanie gosudarstva // Sibirskij antropologicheskij zhurnal [The Contents of the State // Siberian Anthropological Journal]. 2019. Vol. 3, No. 3. Pp. 112–118.
8. Malko A. V., Panchenko V. YU. Soderzhanie gosudarstva: diskussionnye voprosy // YUridicheskaya nauka [The Contents of the State: Controversial Issues // Legal Science]. 2024. No. 1. Pp. 42–46.
9. Moska G. Pravyashchij klass // Sociologiya vlasti [The Ruling Class // Sociology of Power]. 2012. No. 1. Pp. 219–232.
10. CHirkin V. E. Gosudarstvovedenie : uchebnik. 2-e izd., ispr. i dop. [Political Studies: Textbook, 2nd edition, corrected and enlarged] M. : YUrist [Publishing house], 2000.
11. Syrykh V. M. O regulyatorah v pravovom regulirovanii // IP: teoriya i praktika [On Regulators in Legal Regulation // IP: Theory and Practice]. 2025. No. 4. Pp. 48–68.